

Глава 12. Моральные принципы этого князя

Профессор Ли, один из советников в резиденции князя Гаотана, по имени Хэсянь и прозвищу Линьцзи, был шестидесятилетним худощавым стариком с умным и вечно недовольным лицом.

В молодости он учился вместе с учителем Иньси, но потом увлёкся учением Гуйгу-цзы, за что наставник назвал его еретиком и изгнал из академии. Десятилетия спустя учитель Иньси стал великим учёным, академиком Ханьлинь, известным на всю Поднебесную, а Ли Хэсянь прозябал в нищете, пока не устроился на скромную должность профессора восьмого ранга в резиденцию цзюньвана.

— Конфуцианство Сун Иньси — это всего лишь способ одурачивания народа, порабощения умов ради удобства правления, — с горечью жаловался профессор Ли князю Гаотану. — А моё учение о стратегии и тактике — вот что является настоящим оружием, помогающим правителям в борьбе за престол! А он ещё смеет меня ругать, говоря: «Мелкий ум змеи и мыши. применишь его к государству — погубишь государство; применишь к Поднебесной — погубишь Поднебесную». Хм, придёт день, и я покажу ему истинную силу учения Гуйгу-цзы!

Цинь Шэнь слушал его, не меняясь в лице, и лишь сказал:

— Господин Линьцзи обладает великим талантом, иначе разве стал бы я рисковать гневом второго брата, чтобы спасти вашу жизнь?

Ли Хэсянь был глубоко благодарен ему за это. Три года назад он влачил жалкое существование. Наконец, по чьей-то рекомендации, он поступил на службу к новому князю Лу, Цинь Туаню. Но не прошло и месяца, как другие советники выжили его. Цинь Туань, разгневавшись, приказал избить Линьцзи и выгнать прочь. Если бы не Цинь Шэнь, который тайно спас старика и устроил профессором в своей резиденции, тот бы замёрз насмерть в снегу у ворот резиденции князя Лу.

Цинь Шэнь как-то спросил его:

— Господин, вы знаток учения Гуйгу, как же вы не смогли справиться с несколькими советниками?

Ли Хэсянь ответил:

— Семьдесят две тактики Гуйгу — это действительно искусство стратегии, но, во-первых, хозяин должен быть готов их принять, а во-вторых, нужно время для разработки плана. Те советники были мелкими интриганами, не знающими ни чести, ни совести. Они подменили мои предложения клеветой на княгиню. А малый князь Лу даже не стал слушать объяснений, его интересовали лишь механизмы школы моизма. Эх, если бы у меня было немного больше времени... Впрочем, неважно, князь Гаотан — вот истинный правитель, я не жалею!

«Я, может, и не твой истинный правитель, — подумал Цинь Шэнь, — но ты не станешь Цзя Сюем для моего второго брата».

Князь сказал:

— На днях управляющий доложил, что «Кровавый Колокольчик» разграбил один из моих амбаров в Учэне. Я хочу уничтожить эту банду разбойников-сянма и вернуть зерно, но по указу двора в моей охране не может быть более трёхсот человек. Скажите, господин Линьцзи, как быть?

Ли Хэсянь, подумав, предложил:

— У меня есть план. Князь, отправьте эти триста охранников, переодетых разбойниками-сянма, чтобы ночью напасть на казённый амбар в Учэне, забрать зерно, а само здание сжечь. Таким образом, проблема поимки бандитов ляжет на плечи префекта Цзинаня, а ваши запасы вернутся.

— Что до сожжённого амбара, то зерно в нём предназначалось для регулирования цен и помощи в случае голода. Префектура Цзинань, чтобы избежать наказания от двора, будет вынуждена повысить налоги с летнего и осеннего урожая, чтобы возместить ущерб. Как только в Цзинане повысят налоги, цены на зерно там вырастут. Тогда вы сможете продать захваченное старое казённое зерно, и доход будет значительным.

— Разбойники-сянма хоть и сеют смуту, но при правильном использовании могут стать тайным оружием. Зачем их уничтожать?

У Цинь Шэня волосы на голове зашевелились. Он внимательно посмотрел на профессора.

— На что смотрит князь? — спросил Ли Хэсянь.

— На свои моральные принципы, — ответил Цинь Шэнь. — Спасибо за совет, господин. Чай, присланный окружным судьёй Сюем, на столе в зале, возьмите себе коробку.

Ли Хэсянь поблагодарил и удалился. Цинь Шэнь позвал Цзян Ко и приказал:

— Пока оставь Тан Шицзина, у меня другие планы. Я позвал тебя, потому что тот амбар в Учэне был тайным, и я не хотел, чтобы о нём знал двор. Разбойники-сянма напали на него так точно, значит, кто-то им сообщил. Возьми триста стражников, переоденьтесь в гражданское и отправляйтесь в Учэн. Найдите предателя, а через него — логово «Кровавого Колокольчика» и место, где спрятано зерно. Потом доложишь мне.

Цзян Ко кивнул, а затем с сожалением добавил:

— А если зерно не удастся вернуть...

— Его можно вырастить заново, можно дёшево купить, — Цинь Шэнь сделал паузу и с нажимом добавил: — Но нельзя грабить казённые амбары, чтобы восполнить потери. Запомни.

Командир Цзян согласился, но всё ещё беспокоился:

— Я заберу всех людей, кто будет охранять князя?

— В Гаотане есть гарнизон, резиденция в безопасности. А что до меня... — Цинь Шэнь задумался, и в его глазах промелькнула внезапная мысль, но вслух он сказал: — Я редко выхожу из дома, так что я в ещё большей безопасности.

По закону, князя и цзюньваны не могли покидать свои владения без указа императора. Владения Цинь Шэня ограничивались округом Гаотан, то есть одним городом и тремя уездами.

Учэн находился в ведении префектуры Цзинань, и князь не мог отправиться туда открыто. Но в уезд Сяцзинь, входивший в его владения, он мог ездить свободно.

Поручив дела в резиденции левому и правому старшим секретарям, Цинь Шэнь переоделся в простую одежду, взял с собой двух телохранителей и в неприметной повозке отправился в Сяцзинь. Перед отъездом откуда-то прибежал Юйту и попытался запрыгнуть в повозку.

Князь схватил свою домашнюю рысь за шкурку и погладил густую шерсть, собираясь взять её на руки. Юйту не дался, гордо увернулся и, отбежав на несколько шагов, вернулся и запрыгнул на облучок.

Эта рысь весила почти шестьдесят цзиней, была крупной и мускулистой, с сильными лапами. Вытянувшись, она была ростом с половину человека. Загородив вход в экипаж, она всем своим видом показывала: «Не возьмёте меня — никто никуда не поедет». Цинь Шэнь беспомощно щёлкнул её по уху с чёрной кисточкой и приказал слуге:

— Принеси ошейник.

Ошейник был кожаный, с инкрустированными рубинами и съёмным поводком. Рубины были не для хвастовства, а для того, чтобы, если рысь потеряется, её не приняли за дикого зверя и не убили. А нашедший, видя, что хозяин богат, возможно, вернёт её за вознаграждение.

Цинь Шэнь лично надел ошейник на Юйту и велел:

— Веди себя смирно, на людей не бросайся.

— Ао! — коротко и резко крикнул Юйту, как кошка, но более дико и грубо.

Повозка тронулась. Дорога была ухабистой, но Цинь Шэнь не велел сбавлять скорость.

«Скупой окружной судья Сюй, даже почтовый тракт не ремонтирует. Говорит, пусть уезды сами разбираются. С такой нищетой, как в Сяцзине, это случится неизвестно когда».

Подъезжая к окрестностям Сяцзиня, он увидел группы людей, то тут, то там копавших каналы, пахавших землю, сажавших деревья. Поля были полны кипучей деятельности.

Выдался редкий солнечный день. На берегу реки Мацзяхэ, к востоку от города, множество мастеров и рабочих строили водяное колесо. Цинь Шэнь, издали выглянув из повозки, увидел на высоком берегу несколько стражников, окружавших фигуру в лунно-белой одежде. Он сразу узнал в ней Еян Цы, даже со спины.

— Вот так уездный судья, работает больше, чем вол, — Цинь Шэнь, приподняв занавеску, усмехнулся. — Какой-то захудалый уголок, а он так надрывается.

Хоть он и посмеивался, но, подъехав к берегу, велел вознице остановить лошадей, вышел из экипажа и пошёл пешком через поросшие весенней травой поля.

Еян Цы как раз проверял, правильно ли вращается водяное колесо и набирают ли воду бамбуковые ковши. Услышав за спиной быстрые, не похожие на обычные, шаги, он обернулся и встретился взглядом с Цинь Шэнем. Уездный судья на мгновение замер, но, увидев его простую одежду, понял, что тот путешествует инкогнито. Вспомнив, что и в этом водяном колесе есть деньги князя Гаотана, он сложил руки и поклонился:

— Господин Цинь.

Цинь Шэнь кивнул в ответ:

— Господин Еян.

— Какими судьбами в Сяцзине? Ваше присутствие — большая честь для нас.

— Приехал проверить свои вложения, посмотреть, не пойдут ли они прахом через три года.

— Так это же будет вам на руку. Казна господина Циня пополнится редким сокровищем, а предок Еян будет ворочаться в гробу, проклиная меня, непутёвого потомка-разорителя.

Улыбка промелькнула в глазах Цинь Шэня, и тень, лежавшая на его лице, на мгновение

рассеялась. Он сказал:

— Водяное колесо, кажется, в порядке. Я как раз собирался в город, не составите ли мне компанию, господин Еян?

Еян Цы и сам собирался возвращаться в ямэнь, а тут ещё и знатный гость, которого нельзя было оставлять за городом. Он приказал подчиненным:

— Я поеду в город в повозке господина Циня. Вы возвращайтесь и по пути ещё раз всё осмотрите.

Пройдя через поля и подойдя к двери повозки, Еян Цы уловил недобрый запах и, повернувшись к князю, спросил:

— В повозке кошка?

— Нет, не кошка, — ответил Цинь Шэнь.

Там была рысь, но он промолчал. Иногда князь напоминал величественную и таинственную гору, в недрах которой скрывались пятицветные кристалльные жилы, таящие в себе невидимый для других яркий азарт.

Еян Цы опустил взгляд на ароматический шарик для отпугивания кошек у себя на поясе, откинул занавеску и вошёл внутрь. Не успел он выпрямиться, как большая жёлтая тень с низким рычанием, подобно леопарду, бросилась ему на грудь.

Рыси, в отличие от кошек, не так чувствительны к запаху цитрусовых, но тоже его не любят. К тому же, утомлённый долгой дорогой, Юйту был раздражён, и этот запах окончательно вывел его из себя.

Когти — как ножи, зубы — как пила. Один укус — и самые крепкие кости превратятся в труху. Лицо Цинь Шэня мгновенно изменилось. Он крикнул:

— Юйту!

Он инстинктивно оттолкнул Еян Цы, схватил рысь за левую переднюю лапу и выбросил её в окно повозки.

Юйту, перевернувшись в воздухе, легко приземлился на землю, выгнув спину, поджал короткий чёрный хвост и, прищутив золотые глаза, издал серию низких урчащих звуков в сторону экипажа. Видя, что хозяин не выходит его успокаивать, он гордо поднял голову, обиженно фыркнул и бросился в сторону полей.

Цинь Шэнь тут же приказал двум телохранителям:

— Догоните и свяжите его.

Стражники, взяв лассо, поскакали вдогонку. Цинь Шэнь обернулся. Еян Цы прикрывал рукавом нос и рот, уголки его глаз покраснели, а взгляд затуманился. Князь почувствовал необъяснимое волнение и сказал:

— Юйту не ест людей, он никогда раньше так себя не вёл... Не волнуйтесь, его скоро поймают.

Еян Цы знал, что рыси обычно не нападают на людей. Эти большие кошки умны и хитры и прекрасно понимают, с кем не стоит связываться. Но сейчас он не мог говорить, в горле стоял горячий ком. Он несколько раз чихнул, прикрываясь рукавом, и из глаз его хлынули слёзы.

Цинь Шэнь, не зная, что и думать, сухо сказал:

— Вы... вы садитесь.

«Еян Цы вовсе не хотел садиться. Ему казалось, что всё внутри повозки усыпано шерстью рыси. Другие её не видели, но он чувствовал её всем телом».

Руки судьи начали нестерпимо чесаться. Он закатал рукав — кожа была покрыта красными пятнами, словно на белое нефритовое блюдо рассыпали порошок румян.

Он оттолкнул Цинь Шэня, выскочил из повозки и, пробежав несколько шагов, глубоко вздохнул. Весенний ветер немного прогнал удушье. Опершись о ствол ивы у дороги, он наконец смог перевести дух.

Князь догнал его и протянул флягу с водой. Еян Цы без церемоний взял её, плеснул себе на лицо и руки и вытерся платком. Цинь Шэнь, видя, что тому стало лучше, тихо спросил:

— Вы боитесь кошек?

— Не боюсь, а не переносу, особенно кошек. С собаками легче, симптомы слабее. На других животных реакции нет, — с досадой ответил Еян Цы. — С детства так, никакие лекарства не помогают.

Сыпь на его руке постепенно сходила. Цинь Шэнь нахмурился:

— В таком случае, откуда в столице взялось прозвище «Ханьлиньский кошатник»? Говорят, вас поймала стража Фэнчэнь за играми с императорской кошкой. Если бы не любовь императора к

кошкам, вас бы на месте наказали десятью ударами палок. Как же так, тогда вы могли к ним приближаться?

Еян Цы сказал:

— Похоже, у князя и в столице есть свои уши. Несколько дней назад, когда я был в вашей резиденции, вы об этом не знали, а теперь уже в курсе.

Цинь Шэнь проигнорировал его выпад и продолжил рассуждать:

— Вы, преодолевая свою болезнь, намеренно пошли на это, чтобы император сослал вас из столицы. Вы точно рассчитали и характер императора, и его реакцию.

— Кроме того, у императора много разных кошек, а вы выбрали именно львиную. Потому что других кошек привозят ко двору, если находят где-то необычных и красивых, а за разведением шаньдунских львиных кошек следят уездные чиновники округа Линьцин. Вашей целью был Шаньдун. Почему?

Еян Цы улыбнулся:

— Конечно же, потому, что Шаньдун — земля талантов и край благовоспитанных людей.

— Край, где «в Шаньдуне — разбойники, в Ци и Лу — бунтари»?

Еян Цы продолжал улыбаться:

— Князь, будьте милосердны. Даже если вам не по душе ваши владения в Гаотане, не стоит так говорить.

Цинь Шэнь пристально посмотрел на него, словно пытается разглядеть подводное течение под спокойной гладью озера, и наконец внезапно улыбнулся:

— Похоже, в моей повозке вам не место. Может, пройдемся до города пешком, заодно и полюбуемся весенними пейзажами Сяцзиня.

Еян Цы не отказался. По дороге он хотел было из уважения к статусу идти на шаг позади, но Цинь Шэнь замедлил ход, и они снова пошли вровень.

Напряжение исчезло, скрытое противостояние, казалось, утихло. Они просто шли по весеннему полю, как двое праздных гуляющих.

Но Еян Цы знал, что Цинь Шэнь приехал в Сяцзинь не на прогулку. Этот нелюбимый двором цзюньван скрывал в своём сердце не меньше тайн, чем он сам.

Впрочем, сейчас не время для выяснения отношений. Весенний день так хорош! И в богатых, и в бедных краях весна одинаково покрывает всё новой зеленью.

Тень от деревьев скрывает и роскошные ворота, и простые хижины. Ласточки везде вьют гнёзда из глины.

«Когда уйти, когда остаться — решаю я сам. Почему бы, сложив руки, не понаблюдать со стороны?»

Выражение безмятежности на лице Еян Цы медленно исчезло, когда они подошли к рву. Он указал на стену и спросил у стражника у ворот:

— Арочный мост ещё не построен, а почему на стене обвалился целый ряд зубцов?

Стражник проямлил:

— Дождём... дождём размыло?

Еян Цы стиснул зубы:

— Опять расходы на ремонт!

Цинь Шэнь оглядел городские стены Сяцзиня и заметил:

— Лучше снести и построить заново. И почтовый тракт от Сяцзиня до Гаотана тоже нужно отремонтировать, дорога слишком плохая.

— Легко сказать! На это нужно двести тысяч лянов серебра, — вздохнул Еян Цы. — Город в руинах, а уездный судья только и делает, что латает дыры. Не хватает не только денег, но и людей. У меня сейчас даже на весенний сев людей не хватает, много полей остаётся незасеянными. Даже если мы закончим сев, укрепления города всё ещё не восстановлены, куда уж тут думать о тракте за городом.

Цинь Шэнь, видя его озабоченность, едва не сказал, что на севере несколько гарнизонов бунтуют из-за нехватки продовольствия. Двор не может выделить им зерно и считает, что после окончания войны они стали бесполезны. Планируется переселить эти гарнизоны на юг, превратив воинов в поселенцев, чтобы они сами себя обеспечивали. Если в Сяцзине разместить такое военное поселение, проблема с людьми решится.

«Но я... не должен знать об этих государственных планах, и уж тем более мне не следует обсуждать их с чиновником, который может быть связан с дворцовыми кругами или императорской семьёй».

«Я вообще не должен был приезжать в Сяцзинь».

— Господин Цинь? — Еян Цы, отойдя на несколько шагов, обернулся и позвал его. — В город идём?

Цинь Шэнь на мгновение закрыл глаза, затем быстро открыл. Его решение было принято.

— Идём.

<http://bllate.org/book/15875/1438836>